

Котов А. Э. У истоков Латвийской Православной Церкви: от «русской веры» к автокефалистским тенденциям / А. Э. Котов, И. В. Петров // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 338—353. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-338-353.

Kotov, A. E., Petrov, I. V. (2019). At the Origins of the Latvian Orthodox Church: from the “Russian Faith” to Autocephalous Tendencies. *Nauchnyi dialog, 11*: 338-353. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-338-353. (In Russ.).

УДК 94(474.3)+271.22(474.3):271.22(470)“1917/1920”
DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-338-353

У ИСТОКОВ ЛАТВИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ОТ «РУССКОЙ ВЕРЫ» К АВТОКЕФАЛИСТСКИМ ТЕНДЕНЦИЯМ¹

© Котов Александр Эдуардович (2019), orcid.org/0000-0001-5226-9552, ResearcherID E-6880-2016, SPIN 7051-7470, доктор исторических наук, доцент Института истории, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия), a.kotov@spbu.ru.

© Петров Иван Васильевич (2019), orcid.org/0000-0002-3692-7938, SPIN 3118-6407, ResearcherID K-8664-2013, кандидат исторических наук, ассистент кафедры новейшей истории России Института истории, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия), i.petrov@spbu.ru.

Рассматривается вопрос генезиса национального движения в среде латышского православного населения. На примере судеб лидеров движения за латышскую церковную независимость от русского православия — священника Яниса Намниекса и видного юриста Яниса Дависа — устанавливаются причины появления данного движения, раскрываются причины неудачи его сторонников в 1920 году. Установлено, что, вопреки сложившемуся мнению, сторонники скорейшего отделения от Российской Православной Церкви быстро перешли от поддержки имперских властей к максимальному вытеснению «русского фактора» из жизни православных нового государства — Латвии. Подчеркивается, что отсутствие консолидированной поддержки светских властей, влияние приехавшего из России архиепископа — этнического латыша Иоанна (Поммерса) отсрочили этот процесс на 15 лет, в связи с чем латышское православие не пошло по проторенной дорожке своих эстонских собратьев. В статье также уделяется внимание возникновению историографической традиции изучения автокефалистских тенденции среди латышских православных приходов. Проводится сравнение источниковой базы, которая привлекалась исследователями для построения собственных концепций. Помимо исследовательских работ и опубликованных источников, статья опирается на материалы латвийских и российских архивов.

Ключевые слова: консерватизм; православие; Православная церковь; национализм; ре-волюция; Прибалтика; Латвия.

1. Введение

Вторая половина XIX столетия стала временем активной русификации западных окраин Российской империи. Славянофилы, стоявшие у истоков этого процесса, в отличие от националистов европейских, отождествляли «русскость» с православием, однако разделяли свойственный европейскому национализму антисловесный пафос [Котов, 2017]. Вышедшие из славянофильских кругов русификаторы стремились не столько превратить литовцев, латышей и эстов в великороссов, сколько распространить среди них либеральные русские законы и «народное» православие, пере-

1 Исследование подготовлено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых докторов наук, проект № МД-5387.2018.6.

ведя его богослужение на местные языки. Точно так же и проводившийся русской администрацией при поддержке К. П. Победоносцева [ОР РНБ, ф. 377, ед. 998, л. 1] перевод литовского языка на кириллицу должен был, по признанию Д. Сталюнаса, не остановить, но поддержать развитие литовского литературного языка [Staliūnas, 2008, с. 4]. Парадоксальным образом процесс русификации западных окраин по славянофильской модели во многом переплетался с зарождением местных национальных движений. И столь же неожиданно после крушения Российской империи бывшая «русская вера» из духовной скрепы превратилась в одну из линий разделения между осколками прежней Российской Православной Церкви.

Местные православные священники, среди которых были чада и пастыри Российской Церкви во втором, максимум в третьем поколении, по идее должны были быть верными «столпами российского консерватизма», теперь активно включились в процесс национального движения и отложения от церковной власти в Москве и Петрограде. Этот процесс на некоторое время был задержан благодаря гибкой политике Патриарха Тихона (Беллавина), акцентировавшего свое внимание на предоставлении епархиям в обретших независимость странам широкой автономии. Однако впоследствии многочисленные аресты главы Российской Православной Церкви и переход большевиков к прямым гонениям на последнюю перечеркнули эти усилия.

В 1920—1930-е годы церковные власти в Финляндии, Польше, Латвии и Эстонии отложились от Российской Церкви, выбрав путь достижения независимости через обращение к авторитету Вселенского Патриархата. В результате сложилась непростая ситуация: на территории прибалтийских губерний в условиях обретения Латвией и Эстонией независимости прежние столпы «русской веры» стали отстаивать идею обретения местными Православными Церквями автокефалии. Об одном таком эстонском деятеле, архиепископе Николае (Лейсмане) мы уже писали в прошлом году [Котов и др., 2018]. В этой статье мы обратимся к аналогичным событиям 1917—1920 годов на примере соседней Латвии.

2. Историография вопроса

Историография возникновения и оформления национальных движений внутри Православной Церкви на территории Латвии имеет давнюю традицию, корни которой восходят еще к 1930-м годам. Однако исследования, вышедшие в межвоенный период, не столько носили научно-исследовательский характер, сколько являлись либо общими очерками истории христианства в регионе в целом, либо публицистическими текстами, направленными на отстаивание позиций той или иной стороны: либо локально-националистической, либо более консервативной и направленной на поддержку единства с церковными властями в Москве. Так, например, С. П. Сахаров [Шор, 2011, с. 8—35] дал краткую и взвешенную характеристику рижского православного духовенства через год после главного события тогдашней латвийской церковной жизни: поворота латвийской поместной Церкви в сторону Константинополя и рукоположения её нового главы — митрополита Августина (Петерсонса), являвшегося ставленником гражданских властей (умеренно-авторитарного режима Карлиса Ульманиса) [Сахаров, 1937]. До трагической гибели в 1934 году архиепископа Риж-

ского и Латвийского Иоанна (Поммера) официальный взгляд на историю Православия в регионе высказывал его родной брат Антоний Поммерс, выпускник Рижской духовной семинарии и историко-филологического факультета Варшавского университета. Его работа, изданная как на русском [Поммер, 1931], так и на латышском языках [Pommers, 1931], называлась «Православие в Балтии. Исторический очерк». В оценке трудов брата архиепископа Иоанна можно вполне согласиться с современным латвийским историком С. А. Цоя: «Работа представляет собой очерк истории православия в Латвии в XIX веке и непростому противостоянию с прибалтийскими немцами. Освещаются также коллизии истории в новых условиях, после 1917 года. Трактовку последних событий автор излагает главным образом в понимании архиепископа Иоанна (Поммера), будучи глубоко оскорбленным пренебрежительным отношением латвийских властей к ЛПЦ» [Цоя, 2018, с. 210].

Субъективный подход к изучению местной церковной истории сохранился и в советское время. В этот период наиболее выверенные в идеологическом отношении работы по истории латвийского православия выходили из-под пера историка Зигмунда Балевица, у которого не было недостатка в доступе к архивным документам, в результате чего в 1960-е годы он превратился в главного специалиста по православию в Латвийской ССР. Его воззрения были далеки как от поддержки так называемой «русской» линии, так и от поддержки сторонников единой церкви в независимой Латвии. Основная линия его работ вполне соответствовала общепартийной, направленной на усиление антирелигиозных гонений, в том числе через указания на «предательскую сущность церковников» [Православная церковь ..., 1962]. Впрочем, начало горбачевской «перестройки» удивительным образом совпало со смягчением взглядов этого историка на историю ЛПЦ, в том числе на проблемы противостояния консервативного и национального внутри православных приходов региона [Balevitz, 1987].

Новые возможности для изучения всего спектра проблем, связанных с Православной Церковью в Балтии, открыли события 1991 года и период возвращения Латвии ее государственной независимости. Оживляется интерес к истории прибалтийского православия как на рубеже XIX—XX веков, так и в межвоенный период, а также в годы Второй мировой войны. Более того, именно в этот период возникает своего рода школа изучения прибалтийского Православия. У её истоков стоит скончавшийся в июне этого года профессор А. В. Гаврилин. Чтобы подробно и полно описать заслуги Александра Валентиновича в деле изучения балтийского православия, не хватит целой статьи. Отметим лишь, что именно он впервые поставил перед собой задачу изучения деятельности Православной Церкви на территории нынешней Балтии с XIX века вплоть до церковно-исторических проблем конца века XX. В отличие от большинства своих предшественников А. В. Гаврилин смог быть равноудаленным и независимым в своих взглядах как на политику самодержавия, так и по поводу конфликтов сугубо национальных, разразившихся уже в горниле революционного 1917 года. Свою кандидатскую диссертацию, посвященную переходу латышских крестьян в православие, защищенную в 1999 году, он переструктурировал и расширил в монографическое исследование по истории Рижской епархии в XIX веке [Гаврилин, 1999]. Кроме полноценных изданий, уже в 1993 году Александр Валентинович начал выпуск сборника «Православие в Лат-

вии», на страницах которого рассматривались наиболее важные вехи истории православия в регионе. С 2013 года сборник стал полноценным журналом, поддерживаемым Латвийским университетом, и расширил свои тематические рамки на всю Балтию («Православие в Балтии»). Кроме того, издание стало площадкой для обсуждения новейших исследований по истории региона, в том числе тех авторов, которые придерживаются диаметрально противоположных взглядов.

Один из таких авторов — немецкий ученый Себастиан Римштэд, автор нашумевшего исследования «Вызовы современности в Православной Церкви Латвии и Эстонии (1917—1940)» [Rimestad, 2012]. Вопреки сложившейся традиции объектом исследования в данной работе явилась отнюдь не политика государственных или церковных властей, но самосознание латышских и эстонских православных, их восприятие произошедшего в 1917 году и те основные причины, побудившие часть православного духовенства и активных национально настроенных мирян совершить поворот от консервативного российского православия в сторону реформ. Безусловно, подобная постановка вопроса, заключающая в себе и некоторые предпосылки для окончательного ответа, была встречена историками по-разному. Приведем несколько наиболее запомнившихся суждений. Так, уже упоминавшийся нами ранее современный латвийский историк Сергей Цоя отметил недостаток источниковой базы исследования, отмечая опору Римштэда только на периодическую печать и работы предшественников [Цоя, 2018, с. 232]. Справедливости ради хочется отметить, что определенный архивный материал все же был привлечен Себастианом Римштэдом, причем из архивов как Эстонии, так и Финляндии. Однако и Цоя признает, что автор смог впервые обратиться к теме самоидентификации латышских и эстонских православных верующих, о чем ранее практически не говорилось в научной литературе. Другой рецензент — Тоомас Швак — придерживается иной точки зрения: исследование Себастиана Римштэда он оценивает как наиболее независимое, полное и свободное от претенциозности. Недостаток архивных источников Швак объясняет изначально иной задачей, стоящей перед автором, который хотел систематизировать уже имеющийся материал и дать оценку событиям 1920—1940-х годов в среде православных приходов Латвии и Эстонии с позиции «вызовов современности» [Швак, 2014, с. 345—350].

Еще одним важным изданием, в котором были представлены работы как Себастиана Римштэда, так и Тоомаса Швака, стал вышедший в 2018 году сборник статей «Православие в Прибалтике: религия, политика, образование. 1890-е — 1930-е годы» [Православие в Прибалтике ..., 2018]. Взгляды константинопольской Патриархии на события, предшествующие 1917 году в Балтии и последовавшие сразу за ним, оказались отражены в сборнике по истории эстонской Автономной церкви под редакцией профессора архимандрита Григория (Папатома) и Маттиаса Пэлли [Palli et al, 2002].

3. Прибалтийское православие накануне революции

Сугубо национальные требования и желания существовали в балтийском православии еще до распада Российской империи. Характерный случай, имевший место, правда, в Эстонии, описал Себастиан Римштэд. В 1916 году пышно отмечался очередной юбилей Спасо-Преображенского собора в Ревеле, служившего идее единения

верующих православных эстонцев. Архиепископ Рижский Иоанн (Смирнов), в ведении которого находились и эстонские православные приходы, в буквальном смысле слова не понимал, о чем молились представители его паствы, не знал латышского и эстонского языка, из-за чего стал объектом излишних домыслов для пасомых эстонцев [Римштэд, 2018, с. 319—320].

В последнем же отчете о состоянии Рижской епархии в мирное время [Последний отчет ..., 2016, с. 133—202] можно было отметить невероятную двойственность существования местной православной общины. С одной стороны, из православия в протестантизм перешло 565 человек (с детьми еще больше), что, однако, почти на 200 человек меньше, чем в предшествующем 1913 году [Последний отчет ..., 2016, с. 161]. С другой стороны, в лоно Православной Церкви за год перешло 946 лютеран, 151 католик и 12 баптистов [Гаврилин, 2016, с. 165] (причем 196 латышей перешло в Православие только в рижском Вознесенском приходе) [Последний отчет ..., 2016, с. 168]. Всего в Рижской епархии к моменту начала Первой мировой войны было 210 православных приходов, из которых 49 были латышскими, 99 эстонскими, смешанных — 32, чисто русских — 29 и даже один шведский приход на острове Вормси [Последний отчет ..., 2016, с. 153]. Высок был и патриотический подъем среди местного православного эстонского и латышского населения, что подтверждает в том числе деятельность священников, которые впоследствии будут стоять на позициях освобождения латвийского и эстонского Православия от русской влияния.

Однако эвакуация владыки Иоанна (Смирнова) из Риги в 1915 году существенно изменила расстановку сил в регионе. Постепенно начинают набирать обороты как пропаганда лютеранского духовенства против православных латышей и эстонцев, так и порожденное неудачами России в войне национальное движение. В уже упоминаемом отчете о пропаганде лютеран говорилось следующим образом: «Пасторы из эстов и латышей, пользуясь сильным развитием национального чувства у этих народностей, при всяком удобном случае стараются внушать своим прихожанам, что лютеранская вера есть национальная вера эстов и латышей и что уклонение из лютеранства в православие равносильно измене своей национальности. Такие же взгляды высказывались нередко и в инородческой периодической печати» [Последний отчет ..., 2016, с. 160]. Усиление данных тенденций возникает и во время немецкой оккупации, когда отношение захватчиков к православным было резко негативным (подтверждение этим словам можно найти в опубликованных в последние годы отчетах и письмах православного духовенства) [Письмо игумении ..., 2016, с. 151—157; Письмо протоиерея ..., 2015; с. 236—243; Петров, 2015, с. 203—209].

4. Прибалтийская Церковь в условиях распада империи

После февраля 1917 года главным требованием как эстонских, так и латышских священников стало разделение епархии на две части — во главе с епископами эстонцем и латышом соответственно. Что изменилось за три года Первой мировой войны? Как отмечает А. В. Гаврилин, временное пребывание владыки Иоанна (Смирнова) в Рижской епархии стало причиной того, что местные приходы фактически остались без архиерейского управления [Последнее описание ..., 2016, с. 133]. В отчете

те за 1917 год еще продолжают фиксироваться факты перехода из протестантизма в православие, более того, отмечается, что количество перешедших с каждым годом растет, конкретные цифры в этом отчете, по сравнению с 1914 годом, отсутствуют [Последнее описание ..., 2016, с. 151]. В то же самое время озвучиваются все новые факты об антиправославной проповеди лютеранского духовенства. Так, если пастыри-немцы делали ставку на местное остзейское дворянство, то пасторы-эстонцы и латыши с заведомым постоянством повторяли тезис о предательстве их православными соплеменниками национальной идеи [Последнее описание ..., 2016, с. 148]. Весомый ущерб авторитету православного духовенства наносило материальное положение духовенства, в особенности псаломщиков. Верующие видели их материальные трудности и делали соответствующие неутешительные выводы об отношении к православным российских властей [Последнее описание ..., 2016, с. 150].

Но все же главным вопросом, возникшим на волне латышского национального подъема 1917 года, стал вопрос о назначении епископа из среды соплеменников, хотя бы епископа викарного. Таким викарным епископом стал бывший петербургский протоиерей, эстонец по национальности, Платон (Кульбуш). Были ли сам владыка Платон, вскоре возглавивший всю Рижскую епархию, подвержен обострившимся национальным чувствам балтийских православных? Думается, что, как эстонец, он, не мог оставаться в стороне от происходящих на Родине процессов и включился, пусть и в умеренной степени, в движение за права местных приходов. Однако границы этого интереса и участия трактуются современными специалистами по церковной истории по-разному. Так, в своей статье, посвященной особенностям эстонского национального самосознания, петербургский историк протоиерей Константин Костромин, полемизируя с одним из авторов этих строк, отметил, что владыка Платон не был подвержен националистическим чувствам, а оказался лишь заложником конфликта нескольких церковных партий: сторонников интеграции (ориентации на российское православие) и националистов, состоявших не столько из православных верующих и мирян, сколько из людей светских, лютеран и атеистов. Надетая же епископом Платоном мантия в цветах эстонского национального флага, по мнению о. Константина, не являлась реальным отражением настроений самого епископа [Костромин, 2019, с. 183—184].

Т. Швак в своей статье говорит о сложившемся стереотипе о православных эстонцах как о людях, воспитанных под влиянием Православной Церкви, зачастую воспринимаемой исключительно как инструмент русификации и противостоявшей лютеранской интеллигенции. В то же самое время в своей статье он убедительно показывает, что возникновение эстонской интеллектуальной элиты, православной по вероисповеданию, впоследствии сыграло свою существенную роль в национальном возрождении [Швак, 2018, с. 271—296]. Важную роль эти деятели играли и в период обретения Эстонией независимости и непродолжительного возглавления епархии владыкой Платоном (Кульбушем).

Главным действующим лицом эстонского возрождения в Ревеле стал отец Антон Лаар, моментально включившийся в пропаганду идеи скорейшего отделения православных на территории современной Эстонии от любого вида подчинения

церковным властям в России. Его позиция и стратегия поведения в изменившихся политических условиях наиболее четко и емко отражены в упоминавшейся нами ранее статье Себастиана Римштэда [Римштэд, 2018, с. 315—342]. Похожие процессы, пусть с некоторым запозданием, начались и в Латвии.

Для лучшего понимания генезиса произошедшего обратимся к биографиям и характеристикам основных действующих лиц этого процесса. После 1917 года в Латвии начала всходить звезда настоятеля латышского Вознесенского прихода Яниса (Иоанна) Намниекса. Делегат Всероссийского Поместного собора 1917—1918 годов, он уже тогда был одним из самых горячих сторонников отделения от российского Православия. В прежней биографии Яниса Намниекса трудно было найти предпосылки к подобному повороту.

Он родился 25 сентября (по другим данным — 20 декабря) 1881 года в Мадзульской волости Мадонского уезда Лифляндской губернии к усадьбе Тиркенос в семье латышского крестьянина [LNA, p-10184-1, л. 1, 3—5]. О религиозной принадлежности его родителей, а также о причинах, которые побудили Намниекса стать православным священником, доподлинно неизвестно. В 1899 году Янис окончил 4-классное Рижское духовное училище по второму разряду и получил право без экзаменов поступать в Рижскую духовную семинарию. В период «первого советского года» следователи НКВД выяснили, что служителем культа он стал в 1905 году [LNA, p-10184-1, л. 5] Именно тогда он окончил 6 классов Рижской духовной семинарии. Первым назначением Намниекса, тогда еще псаломщика, стала православная Сисегальская церковь (Адеракши). Янис Намниекс всю свою жизнь совмещал служение в храме с преподаванием Закона Божия. Латвийский церковный историк протоиерей Андрей Голиков к местам дореволюционного преподавания Намниекса отнес Адеракши, Екабилс (Якобштадт), а также знаменитое Илукетское духовное училище [Голиков и др., 1999, с. 96]. В браке с Валентиной Намниеце у священника появились на свет четверо детей: Николай (1908), Лидия (1910), Александра (1911), Валентина (1914) [LNA, p-10184-1, л. 3—5]. С 1906 года Намниекс был включен в список кандидатов во иереи по Рижской епархии. По собственному прошению в 1906 году он переводится к Свято-Духовской церкви в Якобштадте. Служить при Илукетском монастыре он начал через год, после рукоположения в диаконы. В 1912 году иерей Намниекс был назначен к Иоанновской церкви в Ляудоне в родном для Яниса Мадонском уезде. Прихожане Намниекса по этническому происхождению в большинстве своем были латышами. В 1909 году из 1463 жителей Ляудоны мужского пола только лишь 18 человек было русскими, а из 1431 женщины русских было 25 человек. Приходская школа была открыта здесь с 1848 года, а в 1873 году под нее было выделено отдельное здание. Прослужил на этом приходе отец Иоанн в период Освободительной войны в Латвии, вплоть до 1924 года (подробную информацию о православных приходах Латвии можно почерпнуть в недавно вышедшем справочнике) [Православные храмы ..., 2017]

Однако основным приходом, вокруг которого группировались деятели латышского национального возрождения из среды православного духовенства и мирян, был, конечно, Вознесенский приход в Риге. Известно, что первое православное богослужение на латышском языке было проведено в 1845 году в рижской Покровской церкви.

К тому времени в православие перешло чуть более 100 этнических латышей. Строительство Вознесенской церкви началось в 1867 году. Первоначально храм был рассчитан на 500 человек. В 1879 году русская часть прихода перемещается в отстроенный взамен сгоревшего деревянного Покровский храм, а за православными латышами прочно закрепляется Вознесенский собор.

Настоятелями храма были либо лица, в совершенстве знавшие латышский язык, либо сами этнические латыши, в том числе такие известные пастыри, как Андрей Кангер, Иоанн Борманис, Иоанн Янсонс, Кирилл Блодонс, Петрис Берзиньш и другие. К 1917—1919 годам состав причта существенно радикализировался во взглядах на будущее православия в Латвии. В опубликованном рапорте рижско-митавского благочинного протоиерея Николая Тихомирова на имя архиепископа Рижского и всея Латвии Иоанна (Поммерса) от 24 июля 1921 года, месяц как ставшему архиереем на Рижской кафедре, ретроспективно давалась характеристика прихода как «одного из самых многолюдных» по причине обслуживания всех латышей Риги и окрестностей. От военных действий приход не пострадал. Председателем приходского совета Вознесенского храма был Янис Давис, старостой — Иоанн Меллин [История в письмах ..., 2015, с. 137].

Наиболее последовательным сторонником латышского национального движения в то время стал Янис Давис. Оценка деятельности этого церковного и общественного деятеля разнится. Ю. Л. Сидяков в комментариях к опубликованным им письмам владыке Иоанну (Поммерсу) кратко характеризует Дависа как учителя, церковного деятеля и наиболее яркого сторонника отделения православных приходов на территории Латвии от влияния Москвы [История в письмах ..., 2015, с. 575]. С. Римштэд характеризует Дависа как латышского националиста, активного участника трезвеннического движения, сразу после объявления Латвией о своей государственной независимости высказывавшегося за автокефалию Латвийской Православной Церкви [Rimestad, 2012, с. 291].

Именно Давис и Намниекс на Соборе Латвийской Православной Церкви в 1920 году первыми выдвинули идею скорейшего разрыва с церковными властями в Москве и создания независимой Православной Церкви в независимом государстве [Озолиньш, 1997, с. 13—14]. Тогда большинство собравшихся прихожан эту идею не поддержали, сославшись на ее слабую каноническую подоплеку. В ответ последовала волна критики подобного рода «капитулянтских решений» в средствах массовой информации: русификаторы и этнически русские православные «реакционеры» обвинялись одновременно и в сохранении существующего порядка канонического подчинения, и в стремлении разжечь «беспорядок в среде православных латышей» и «вызвать досаду у лояльных граждан». Националисты предлагали различные выходы из этой ситуации — вплоть до отказа от собственной архиепископии, чтобы не быть связанными с назначением правящего архиерея из России [Озолиньш, 1997, с. 14].

Однако точка зрения Дависа и Намниекса не стала доминирующей ни на февральском, ни на августовском Соборе 1920 года. Основным противником идеи скорейшей церковной независимости в феврале 1920 года стал протоиерей Николай Тихомиров, указавший собравшимся, что на территории Латвии постоянно проживает большое

количество русских людей, а сама Православная Церковь в стране зависит от русской Матери-Церкви. По его словам, латвийские граждане русского происхождения хотели жить в гармонии с православными латышами и желали, чтобы последние не боялись Московского Патриарха, чья позиция ничем не угрожает латвийской независимости. Подобного рода доводы благоприятно воздействовали на часть собравшихся латышей, поменявших свою прежнюю точку зрения. Впоследствии сам Давис писал, что в связи с преобладанием прорусского «духа», направленного против латышей и латвийского государства, латышские делегаты (здесь он имел в виду себя и своих горячих сторонников) покинули Собор («церковный сейм») [Rimestad, 2012, с. 118].

Однако, если в начале года Янису Давису не хватало сил, чтобы высказать свою радикальную позицию в полной мере, в августе он заручился поддержкой гражданских властей, также не желавших терпеть какую-либо форму зависимости от церковных структур в большевистской Москве. Наибольшую поддержку Давис обрел у активного деятеля Рижского латышского общества, бывшего главы Латышского временного национального совета Арведа Бергса. В 1920 году Бергс занимал пост министра внутренних дел Латвии. Узнав о решении февральского Собора Латвийской Православной Церкви, он отменил его и отказался созвать Синод Православной Церкви в Латвии. Латышское православное духовенство в середине 1920 года приняло активное участие в национальных празднествах, в том числе посвященных латвийской независимости, и зарекомендовало себя как лояльная к новому государству конфессия. Власти поддерживали популяризацию идеи, согласно которой ранее Православная Церковь использовалась имперской администрацией в качестве инструмента поддержки русского влияния и всячески боролась с латышским национальным движением с помощью пропаганды покорности и смирения. Теперь же необходимо было изменить расстановку сил в среде местного православного священства. Наибольшее внимание, по мнению латышских правящих кругов, следовало уделить сельским латышским приходам, которые и должны будут поддержать пути скорейшего отложения от влияния «русского патриарха». Собор же 25—27 февраля 1920 года объявлялся примером победы русификаторов и насильственным замалчиванием голоса латышей, этим же объяснялось и итоговое голосование: 56 голосов за сохранение единства с церковными властями в Москве и 32 — против [Rimestad, 2012, с. 119].

Давис развернул масштабную газетную кампанию, обращаясь к латвийским православным с мольбой о том, что в обретшим независимость государстве просто необходимо добиться независимой Православной Церкви. Иерей Янис Свемпс, которого, судя по его дальнейшей судьбе и политико-идеологической линии, сложно обвинить в пророссийских настроениях, отмечал, что Давис упрямо не желает видеть канонических проблем, стоявших на пути его идеи скорейшего отделения от московской церковной власти, и сознательно радикализирует ее обсуждение вместо того, чтобы спокойно искать пути выхода из сложившейся критической ситуации [Rimestad, 2012, с. 119—120].

Новый Собор был создан по инициативе Бергса в августе 1920 года. Помимо чисто национальных вопросов, планировалось обсудить также весь спектр проблем, связанных с отобранным у Православной Церкви имуществом, в том числе кафе-

дральным собором. Тем не менее и это собрание окончилось поражением сторонников латышской церковной независимости. Был принят весьма примечательный документ, в котором признавалось, что Латвийская Православная Церковь самостоятельна и независима, но учитывает церковные каноны. За эту резолюцию проголосовало 78 делегатов Собора, против — 21 человек [Гаврилин, 2018, с. 106]. В то же время говорилось о том, что латвийская Церковь будет апеллировать к церковным властям в Москве исключительно для урегулирования канонических вопросов. Вновь было подтверждено и еще одно февральское решение: об обращении к Пензенскому епископу Иоанну (Поммерсу), латышу по национальности, с просьбой перейти на вакантную Рижскую кафедру. Владыка, ярый борец с обновленчеством, не устраивал латышских националистов: о нем ходили слухи как о последовательном стороннике церковного единства с Москвой. К тому же владыка Иоанн, служа в Пензе, получал большой объем информации о происходящих в Латвии событиях, на основе которого мог составить собственное суждение о латвийских церковных делах (избранные труды и документальные свидетельства, а также подробная характеристика священномученика Иоанна (Поммерса) дана в изданном в прошлом году сборнике пензенского историка Киры Аристовой) [Священномученик Иоанн ..., 2018].

За время, пока владыка Иоанн руководил Латвийской Православной Церковью, ему удалось остаться ярым противником большевизма и в то же время соблюсти необходимый баланс между желаниями латышской и русской православными общинами Латвии. Трагическая гибель главы ЛПЦ в 1934 году означала неминуемый реванш национальных сил, что и произошло в 1936 году после установления авторитарной диктатуры Карлиса Ульманиса. Новый глава Латвийской Православной Церкви митрополит Августин (Петерсон) при поддержке латвийских гражданских властей одобрил переход в лоно Константинопольской Патриархии местных приходов. Ко двору оказался в изменившихся условиях и отец Янис Намниекс. В январе 1938 года новый митрополит назначил его вторым священником в Рижском кафедральном соборе с одновременным исполнением должности администратора, издателя церковных книг, руководителя кружка молодежи при соборе. Вскоре Намниекс был возведен в сан протоиерея и стал ключарем собора. Его возвышение, однако, длилось недолго.

Значительную роль в изменении вектора развития латвийского православия сыграл и Вселенский патриархат. В ноябре 1935 года по приглашению МВД Латвии в Ригу прибыл посланник Константинополя митрополит Фиатирский Германос (Стренополус), и уже через неделю после его прибытия Синод Латвийской Православной Церкви составляет прошение Вселенскому Патриарху с просьбой о даровании Церкви автономии под омофором Константинопольской Патриархии по примеру Эстонской Апостольской Православной Церкви (подобное решение полностью удовлетворяло и светские власти Латвии). Процесс перехода из одной юрисдикции в другую несколько затянулся в связи с кончиной Константинопольского Патриарха Фотия II (Маниатиса) и избранием на этот пост Вениамина (Кириаку). Однако и новый патриарх продолжил линию своего предшественника и назначил владыку Германоса своим представителем на Соборе Латвийской Православной Церкви. Отныне ЛПЦ стала Латвийской Православной митрополией в со-

ставе Вселенского Патриархата. Вскоре была окончательно отстранена кандидатура протоиерея Иоанна Янсона и был изменен устав Латвийской Православной Церкви, что в итоге и привело к избранию владыки Августина. 29 марта 1936 года в Христорождественском соборе Риги состоялась его хиротония в митрополита Рижского и всея Латвии, причем в хиротонии участвовали Фиатирский митрополит Германов, митрополит Принцевых островов Фома, Иерапольский митрополит Константин, глава ЭАПЦ митрополит Александр и архиепископ Петсерийский Николай [Петров, 2016, с. 67—68.].

5. Судьба церковных националистов при советской власти

Начало Второй мировой войны и советское вторжение в балтийские республики означало неминуемое изменение юрисдикционной принадлежности Латвийской Православной Церкви. Параллельно с ним прокатилась волна арестов духовенства. В числе первых арестовывались противники и критики большевизма, а также лица, близкие к руководству ЛПЦ. Среди них оказался и протоиерей Намниекс. Любопытный факт: Янис Намниекс дал согласие на сотрудничество с органами НКВД (речь идет о первом аресте священника в сентябре 1940 года) [Голиков и др, 1999, с. 96], которым был необходим «свой человек» в окружении митрополита Рижского и всея Латвии, однако тут же сообщил об этом самому владыке Августину, признавая его авторитет и необходимость данного шага «духовного сына перед духовным отцом» [NLA, p-10184-1, л. 8—10]. О. Намниекса, судя по документам следственного дела, долго допрашивали в 1940 году, в буквальном смысле слова принудив к согласию на сотрудничество [NLA, p-10184-1, л. 1-a]. Следующий арест последовал 16 июня 1941 года во время печально знаменитых депортаций жителей Балтии. О. Янис Намниекс пытался бежать, но был пойман и отправлен в Молотовскую область [Голиков и др, 1999, с. 96]. Советские следователи вменяли ему обвинение в «разглашении государственной тайны». Скончался Янис Намниекс в поселке Санкино Свердловской области 7 мая 1942 года от туберкулеза легких [NLA, p-10184-1, л. 20]. Долгое время его семье не сообщалось о его судьбе, реабилитация же последовала лишь в годы Перестройки.

Под маховик советских репрессий попал и бывший министр внутренних дел Латвии Арвед Бергс, депортированный в Чкалов в 1940 году и скончавшийся там в конце следующего — 1941 — года. Из всех сторонников независимости ЛПЦ от Москвы, сыгравших значимую роль в событиях 1920 года, до 1959 года дожил лишь Янис Давис [Rimestad, 2012, с. 291].

6. Заключение

В чем же основная причина возникновения в среде латвийского духовенства и мирян идеи разрыва с российским православием? Чем руководствовались те, кто еще в последние годы XIX века принимал «русскую веру»? И почему сторонники последней потерпели поражение в 1917—1920 годах? Мнения историков на этот счет разнятся. Так, С. Римштэд отмечает, что действия православных латышей являлись закономерным следствием событий Первой мировой войны, немецкой оккупации,

национального движения и большевистского давления, в то время как сам патриарх Тихон (Беллавин) был готов на существенные уступки [Римштэд, 2018, с. 337—338]. А. В. Гаврилин резонно отмечал, что нужно, с одной стороны, понимать вполне понятные национальные притязания латышских православных верующих и их сторонников из среды латвийских политиков, но нельзя и не признать фактор ослабления российских церковных властей ввиду действий большевиков [Гаврилин, 2018, с. 109].

Распад Российской империи произвел переворот в сознании православных латышей, превратив их из подданных наднациональной империи в граждан нового независимого национального государства — тем более, что и во время Первой мировой войны они все больше стали идентифицировать себя как латышей. В последующие годы только последовательная позиция владыки Иоанна (Поммерса) удерживала латвийское православное духовенство от смены церковной юрисдикции. При патриархе Тихоне российские церковные власти путем гибких уступок сохраняли церковное единство. Однако дальнейшее усиление гонений на Церковь в СССР, запрет на избрание нового патриарха и многочисленные инициированные атеистическими властями расколы подтолкнули латышских православных к окончательной смене юрисдикции.

Источники и принятые сокращения

1. *Иоанн* (Поммер Иван Андреевич; архиепископ Рижский и Латвийский). На страстном пути Иова : избранные труды и документальные свидетельства / священномученик Иоанн (Поммер). — Москва : Наука, 2018. — 399 с.

2. *История* в письмах : из архива священномученика архиепископа Рижского Иоанна (Поммера) / сост. Ю. Л. Силдяков. — Тверь : Булат, 2015. — Т. 1. — 608 с.

3. *Корнилов И. П.* Русское дело в Северо-Западном крае : материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху / И. П. Корнилов. — Санкт-Петербург : А. С. Суворин, 1908. — Вып. 1. — 504 с.

4. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 377. Ед. 998. Л. 1.

5. *Письма* игумении Сергии (Мансуровой) епископу Ревельскому, викарию Рижскому Платону летом 1918 г. : материалы к истории эвакуации Рижского Св. Троице-Сергиева женского монастыря в годы Первой мировой / публ. и комм. Т. К. Шор // Православие в Балтии. — 2016. — № 6 (15). — С. 151—157.

6. *Письмо* протоиерея Юрьевского Успенского собора Михаила Блейве (к истории немецкой оккупации Юрьева/Тарту в 1918 г.) / публ. и комм. Т. К. Шор // Православие в Балтии. — 2015. — № 3 (12). — С. 236—243.

7. *Поммер А. А.* Православие в Латвии: исторические очерки / А. А. Поммер. — Рига : Изд. авт., 1931. — 102 с.

8. *Последнее* описание Рижской епархии: отчет о состоянии Рижской епархии за 1917 год / публ. и комм. А. В. Гаврилина // Православие в Балтии. — 2016. — № 5 (14). — С. 133—164.

9. *Последний* отчет мирного времени: отчет о состоянии Рижской епархии за 1914 год // публ. и комм. А. В. Гаврилина // Православие в Балтии. — 2016. — № 4 (13). — С. 133—202.

10. LNA — *Latvijas Nacionālais arhīvs*. Национальный архив Латвии. (LNA). Дело Я. Я. Намник. P-10184-L. Л. 1—5.

11. *Pommers A.* Pareizticība Latvijā: vestures apcerējumi / A. Pommers. — Rīga : Autora izd., 1931. — 88 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаврилин А. В.* О каноническом статусе Православной Церкви в Эстонии и Латвии в начале 1920-х годов / А. В. Гаврилин // Православие в Балтии. — 2018. — № 7 (16). — С. 101—112.
2. *Гаврилин А. В.* Очерки истории Рижской епархии. XIX век / А. В. Гаврилин. — Рига : Филокалия, 1999. — 368 с.
3. *Голиков А.*, священник. Кровью убежденные : мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1940—1955) / священник А. Голиков, С. Фомин. — Москва : Паломник, 1999. — 221 с.
4. *Костромин К.*, протоиерей. Особенности эстонского православного самосознания в начале XX века (к 100-летию мученического подвига священномученика Платона (Кульбуша), епископа Ревельского) / протоиерей К. Костромин // Христианское чтение. — 2019. — № 1. — С. 180—190.
5. *Котов А. Э.* «Народность» и «сословность»: два полюса русского консерватизма / А. Э. Котов // Христианское чтение. — 2017. — № 2. — С. 288—306.
6. *Котов А. Э.* Архиепископ Николай Лейсман / А. Э. Котов, И. В. Петров // Вопросы истории. — 2018. — № 10. — С. 29—39.
7. *Озолиньш К.* Положение Латвийской Православной Церкви в 20-е годы XX века / К. Озолиньш // Православие в Латвии. — Рига : Филокалия, 1997. — С. 13—29.
8. *Петров И. В.* «Огород мой уничтожили русские, вырыв в нем блиндажи, немцы же вытравили в нем озимые и клеверные поля: жизнь православного духовенства под германской оккупацией на острове Эзель в 1917—1918 гг. / И. В. Петров // Новейшая история России. — 2015. — № 1 (12). — С. 203—209.
9. *Петров И. В.* Православная Балтия 1939—1953 гг.: период войн, репрессий и межнациональных противоречий / И. В. Петров. — Санкт-Петербург : Бумажные книги, 2016. — 376 с.
10. *Православие в Прибалтике: религия, политика, образование. 1890-е-1930-е гг.* / под ред. И. Пярт. — Тарту : Тартусский университет, 2018. — 520 с.
11. *Православное духовенство в Латвии 1920—1940* : сборник документов / сост. З. В. Балевиц. — Рига : Латвийское государственное издательство, 1962. — 192 с.
12. *Православные храмы и приходы на территории Латвии в XIII—XXI вв.* — Рига : Филокалия, 2017. — 479 с.
13. *Римштэд С.* Меняя юрисдикции: православные церкви Балтийского региона между Москвой и Константинополем / С. Римштэд // Православие в Прибалтике: религия, политика, образование. 1890-е-1930-е гг. — Тарту, 2018. — С. 315—342.
14. *Сахаров С. П.* Рижские православные архипастыри за сто лет (1836—1936) / С. П. Сахаров. — Даугавпилс : Издатель С. П. Сахаров, 1937. — 68 с.
15. *Цоя С. А.* Историография истории Православия в Латвии (краткий очерк) / С. А. Цоя // Теория и практика регионоведения : труды I научно-практической региональной конференции, 7 октября 2018 г. / ред. В. В. Яковлев. — Санкт-Петербург : Педагогический университет им. А. И. Герцена, 2018. — С. 197—255.
16. *Швак Т.* Rimestad S. (2012) The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia. Frankfurt am Main: PETER LANG, 2012. 334 p. / Т. Швак // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. — 2014. — № 4 (32). — С. 345—350.
17. *Швак Т.* О формировании эстонской православной интеллигенции и ее деятельности в XIX веке / Т. Швак // Православие в Прибалтике: религия, политика, образование. 1890-е-1930-е гг. — Тарту : Издательство Тартуского университета, 2018. — С. 271—296.

18. *Шор Т. К.* Материалы к биографии историка Латвийской Православной Церкви Сергей Петровича Сахарова / Т. К. Шор // *Православие в Латвии*. — 2011. — № 9. — С. 8—35.
19. *Balevitz Z.* Pareizticigo baznica Latvija / Z. Balevitz. — Riga : Avota, 1987. — 165 p.
20. *Palli M. H.* The Autonomous Orthodox Church of Estonia. L'Eglise Autonome orthodoxe d'Estoniye. Approche historique et nomocanonique / M. H. Palli, G. D. Papathomas. — Thessaloniki : Editions Pektatis, 2002. — 461 p.
21. *Rimstad S.* The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia (1920—1940) / S. Rimstad. — Frankfurt am Main : PETER LANG, 2012. — 333 p.
22. *Staliūnas D.* Assimilation or Acculturation? Russian Imperial Policy toward Lithuanians in the 1860 s. / D. Staliūnas // *Central and Eastern European Review*. — 2008. — Vol. 2. — P. 2—20.

AT THE ORIGINS OF THE LATVIAN ORTHODOX CHURCH: FROM THE “RUSSIAN FAITH” TO AUTOCEPHALOUS TENDENCIES¹

© **Alexander E. Kotov (2019)**, orcid.org/0000-0001-5226-9552, ResearcherID E-6880-2016, SPIN 7051-7470, Doctor of History, Associate Professor, Institute of History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saint-Petersburg State University” (St. Petersburg, Russia), a.kotov@spbu.ru.

© **Ivan V. Petrov (2019)**, orcid.org/0000-0002-3692-7938, SPIN 3118-6407, ResearcherID K-8664-2013, PhD in History, Assistant Professor, Department of Contemporary History of Russia, Institute of History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saint-Petersburg State University” (St. Petersburg, Russia), i.petrov@spbu.ru.

The issue of the genesis of the national movement among the Latvian Orthodox population is considered. On the example of the fate of the leaders of the movement for Latvian church independence from Russian Orthodoxy - priest Janis Namnieks and prominent lawyer Janis Davis - the reasons for the appearance of this movement are established, the reasons for the failure of its supporters in 1920 are revealed. It was established that, contrary to popular belief, supporters of an early separation from the Russian Orthodox Church quickly moved from supporting the imperial authorities to the maximum displacement of the “Russian factor” from the life of the Orthodox in the new state — Latvia. It is emphasized that the lack of consolidated support of the secular authorities, the influence of the bishop who came from Russia, the ethnic Latvian John (Pommers), postponed this process for 15 years, and therefore, Latvian Orthodoxy did not go along the beaten path of their Estonian brothers. The attention to the emergence of a historiographic tradition of studying autocephalous tendencies among Latvian Orthodox parishes is paid. A comparison is made of the source base, which was used by researchers to build their own concepts. In addition to research papers and published sources, the article is based on materials from Latvian and Russian archives.

Key words: conservatism; Orthodoxy Orthodox Church; nationalism; revolution; the Baltic states; Latvia.

MATERIAL RESOURCES

- Gavrilina, A. V. (ed.). (2016). Posledneye opisaniye Rizhskoy eparkhii: otchet o sostoyanii Rizhskoy eparkhii za 1917 god. *Pravoslavie v Baltii*, 5 (14): 133—164. (In Russ.).
- Gavrilina, A. V. (ed.). (2016). Posledniy otchet mirnogo vremeni: otchet o sostoyanii Rizhskoy eparkhii za 1914 god. *Pravoslaviye v Baltii*, 4 (13): 133—202. (In Russ.).

1 The study was prepared with the support of a grant from the President of the Russian Federation for young doctors of science, project No. MD -5387.2018.6.

- Ioann (Pommer Ivan Andreevich; arkhiepiskop Rizhskiy i Latviyskiy). (2018). *Na strastnom puti Iova: izbrannyye trudy i dokumentalnyye svidetelstva*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Kornilov, I. P. (1908). *Russkoye delo v Severo-Zapadnom kraje: materialy dlya istorii Vilen'skogo uchebnogo okruga preimushchestvenno v muravevskuyu epokhu*. 1. Sankt-Peterburg: A. S. Suvorin. (In Russ.).
- LNA — *Latvijas Nationalais archivs. Natsionalnyy arkhiv Latvii*. (LNA). Delo Ya. Ya. Namniek. P-10184-L. L. 1—5.
- OR RNB — *Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки*. F. 377. Ed. 998. L. 1. (In Russ.).
- Pommer, A. A. (1931). *Pravoslaviye v Latvii: istoricheskiye ocherki*. Riga: Izd. avt. (In Russ.).
- Pommers, A. (1931). *Pareizticiba Latviya: vestures apcerejumi*. Riga: Autora izd.
- Shor, T. K. (ed.). (2015). Pismo protoiyereya Yurevskogo Uspenskogo sobora Mikhaila Bleyve (k istorii nemetskoj okkupatsii Yureva/Tartu v 1918 g.). *Pravoslaviye v Baltii*, 3 (12): 236—243. (In Russ.).
- Shor, T. K. (ed.). (2016). Pisma igumenii Sergii (Mansurovoy) episkopu Revelskomu, vikariyu Rizhskomu Platonu letom 1918 g.: materialy k istorii evakuatsii Rizhskogo Sv. Troitse-Sergieva zhenskogo monastyrya v gody Pervoy mirovoy. *Pravoslaviye v Baltii*, 6 (15): 151—157. (In Russ.).
- Sildyakov, Yu. L. (ed.). (2015). *Istoriya v pismakh: iz arkhiva svyashchennomuchenika arkhiepiskopa Rizhskogo Ioanna (Pommera)*. 1. Tver': Bulat. (In Russ.).

REFERENCES

- Balevits, Z. V. (1962). *Pravoslavnoye dukhovenstvo v Latvii 1920—1940: sbornik dokumentov*. Riga: Latviyskoye gosudarstvennoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Balevitz, Z. (1987). *Pareizticigo baznica Latvija*. Riga: Avota.
- Gavrilin, A. V. (1999). *Ocherki istorii Rizhskoy eparkhii. XIX vek*. Riga: Filokaliya. (In Russ.).
- Gavrilin, A. V. (2018). O kanonicheskom statuse Pravoslavnoy Tserkvi v Estonii i Latvii v nachale 1920-kh godov. *Pravoslaviye v Baltii*, 7 (16): 101—112. (In Russ.).
- Golikov, A., Fomin, S. (1999). *Krovyy ubelennyye: mucheniki i ispovedniki Severo-Zapada Rossii i Pribaltiki (1940—1955)*. Moskva: Palomnik. (In Russ.).
- Kostromin, K. (2019). Osobennosti estonskogo pravoslav'nogo samosoznaniya v nachale XX veka (k 100-letiyu muchenicheskogo podviga svyashchennomuchenika Platona (Kulbusha), episkopa Revelskogo). *Khristianskoye chteniye*, 1: 180—190. (In Russ.).
- Kotov, A. E. (2017). «Narodnost'» i «soslovnost'»: dva polyusa russkogo konservatizma. *Khristianskoye chteniye*, 2: 288—306. (In Russ.).
- Kotov, A. E., Petrov, I. V. (2018). Arkhiepiskop Nikolay Leysman. *Voprosy istorii*, 10: 29—39. (In Russ.).
- Ozolins, K. (1997). Polozheniye Latviyskoy Pravoslavnoy Tserkvi v 20-e gody XX veka. In: *Pravoslaviye v Latvii*. Riga: Filokaliya. 13—29. (In Russ.).
- Palli, M. H., Papatomas, G. D. (2002). *The Autonomous Orthodox Church of Estonia. L'Eglise Autonome orthodoxe d'Estoniye. Approche historique et nomocanonique*. Thessaloniki: Editions Pektatis.
- Petrov, I. V. (2015). «Ogorod moy unichtozhili russkiye, vyryv v nem blindazhi, nemtsy zhe vytravili v nem ozimyye i klevernyye polya: zhizn' pravoslav'nogo dukhovenstva

- pod germanskoj okkupatsiey na ostrove Ezel v 1917—1918 gg. *Noveyshaya istoriya Rossii, 1 (12)*: 203—209. (In Russ.).
- Petrov, I. V. (2016). *Pravoslavnaya Baltiya 1939—1953 gg.: period voyn, repressiy i mezhnatsionalnykh protivorechiy*. Sankt-Peterburg: Bumazhnyye knigi. (In Russ.).
- Pravoslavnyye khramy i prikhody na territorii Latvii v XIII—XXI vv.* Riga: Filokaliya. (2017). (In Russ.).
- Pyart, I. (2018). *Pravoslaviye v Pribaltike: religiya, politika, obrazovanie. 1890-e-1930-e gg.* Tartu: Tartusskiy universitet. (In Russ.).
- Rimestad, S. (2012). *The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia (1920—1940)*. Frankfurt am Main: PETER LANG.
- Rimshted, S. (2018). Menyaya yurisdiksiy: pravoslavnyye tserkvi Baltiyskogo regiona mezhdu Moskvoy i Konstantinopolem. In: *Pravoslaviye v Pribaltike: religiya, politika, obrazovaniye. 1890-e-1930-e gg.* Tartu. 315—342. (In Russ.).
- Sakharov, S. P. (1937). *Rizhskiy pravoslavnyye arhipastyri za sto let (1836—1936)*. Daugavpils: Izdatel S. P. Sakharov. (In Russ.).
- Shor, T. K. (2011). Materialy k biografii istorika Latviyskoy Pravoslavnoy Tserkvi Sergey Petrovicha Sakharova. *Pravoslaviye v Latvii, 9*: 8—35. (In Russ.).
- Shvak, T. (2014). Rimestad S. (2012) The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia. Frankfurt am Main: PETER LANG, 2012. 334 p. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom, 4 (32)*: 345—350. (In Russ.).
- Shvak, T. (2018). O formirovaniy estonskoy pravoslavnoy intelligentsii i ee deyatelnosti v XIX veke. In: *Pravoslaviye v Pribaltike: religiya, politika, obrazovaniye. 1890-e — 1930-e gg.* Tartu: Izdatelstvo Tartuskogo universiteta. 271—296. (In Russ.).
- Staliūnas, D. (2008). Assimilation or Acculturation? Russian Imperial Policy toward Lithuanians in the 1860 s. *Central and Eastern European Review, 2*: 2—20.
- Tsoya, S. A. (2018). Istoriografiya istorii Pravoslaviya v Latvii (kratkiy ocherk). In: Yakovlev, V. V. *Teoriya i praktika regionovedeniya: trudy I nauchno-prakticheskoy regionovedcheskoy konferentsii, 7 oktyabrya 2018 g.* Sankt-Peterburg: Pedagogicheskiy universitet im. A. I. Gertsena. 197—255. (In Russ.).